

Литературный журнал
Артикль №6

Яков Шехтер
Артикуль №6

«Издательские решения»

Яков Шехтер

Артикль №6 / Яков Шехтер — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-908591-7

Шестой выпуск обновлённого «Артикля» порадовал читателей серьёзной и увлекательной прозой, удивительными поэтическими находками, яркими и впечатляющими мемуарными страницами, богатыми и разнообразными текстами литературной критики. Всё это — и много более того — под журнальной обложкой. Не откажите себе в наслаждении чтением!

ISBN 978-5-44-908591-7

© Яков Шехтер
© Издательские решения

Содержание

Проза	6
Нина Воронель	6
Великая любовь Райнера-Мария Рильке	6
Мадина Тлостанова	18
Дама без собачки	18
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Артикулъ №6

Редактор Яков Шехтер

Редактор Михаил Юдсон

ISBN 978-5-4490-8591-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Проза

Нина Воронель

Великая любовь Райнера-Мария Рильке (Главы из второго тома романа «БЫЛОЕ И ДАМЫ»)

ЛУ

Лу приспустила верхнее стекло, и в купе ворвался весенний ветер. Она усмехнулась – вот он истинный ветер свободы! Наконец она свободна и ни от кого не зависит, ни от Георга, ни от Карла, ни от сероглазого оперного режиссёра, с которым провела последние две недели в Вене. Он не провожал её на вокзал, а мирно поцеловал перед уходом на репетицию, даже не заподозрив, что она уже купила билет на поезд Вена-Париж. Да и как он мог это заподозрить, если у них всё было складно и любовно? Ведь это только она, заранее почуяв надвигающуюся на них угрозу привычного однообразия, решила не дожидаться, пока она ему надоест. И поспешила покинуть его поскорей, чтобы он гадал и не мог догадаться, за какую провинность наказан и брошен.

Лу зябко поёжилась, но окно не закрыла – ей нравилось лёгкое шуршание ветра в складках колленкоровой занавески. Она была собой довольна – за последние пару лет она отлично разработала изошрённую технику разлук, превращающую её в недостижимый объект неудовлетворённого желания. За окном замелькали тусклые огоньки дальних пригородов Мюнхена. Лу задумалась. Срочно предстояло решить, как быть – пересечь на ночной берлинский поезд и вернуться домой к Карлу, или ехать дальше в Париж к Савелию? Представив себе, как оба они будут рады её приезду, она сразу заскучала – в этом не было ничего нового, да и не хотелось всю ночь трястись на неудобной вагонной койке, пускай хоть и первого класса.

А что, если остаться в Мюнхене? Ведь в среде её друзей всё настойчивей утверждалось мнение, будто Мюнхен становится культурным центром Европы. Какой же это будет культурный центр без неё? Она быстро набросила пальто, натянула перчатки и вызвала кондуктора, чтобы вынес на площадку её чемоданы. На платформе её никто не встречал – это было неприятно и даже немного неприятно, хоть она сама была виновата, никого не предупредив о своём приезде. Что ж, такова плата за полную свободу. Но всё же по прибытии в отель она пожертвовала свободой, вызвала посыльного и отправила одному из своих литературных поклонников записку о том, что она на несколько дней приехала в Мюнхен.

Её записка привела в движение весь механизм мюнхенской культурной жизни, и с утра на Лу посыпался град посещений и приглашений на приёмы, презентации и премьеры. Да, похоже, Мюнхен и впрямь становился культурным центром Европы. А она, Лу, пусть хоть на время, становилась центром культурной жизни Мюнхена. И она с удовольствием закужилась в весёлом водовороте приёмов и премьер.

Наутро после одной из премьер она получила странное письмо без подписи, не похожее на обычные приветствия, присланные ей назавтра после посещения театра. Автор письма сбивчиво утверждал, что будучи вчера в театре представлен Лу в антракте, он по возвращении домой стал читать её эссе «Иисус Христос – еврей». Перечитав эссе несколько раз, он с восторгом убедился, что строй её мыслей удивительно совпадает со строем чувств, выраженных

в его поэтическом цикле «Видения Христа». И теперь он убеждён, что его поэзия освящена её гением.

Это неподписанное письмо странно тронуло ледяное сердце Лу, в нем было всё, чего не было у других — доверчивая беспомощность и детская уязвимость, сливающаяся с уверенностью в своём призвании. Ей захотелось встретиться с автором письма, но как она ни старалась, ей не удалось вспомнить всех, кого ей представляли вчера в театре. Она попросила в книжном магазине поэтический сборник «Видения Христа», но никто о нём никогда не слышал.

Отчаявшись, Лу решила порыться в письмах, полученных ею по приезду в Мюнхен — она хранила их, чтобы при встрече показать Карлу. И — о чудо! — нашла маленькую открытку, почти наверняка написанную той же рукой. Открытка выражала надежду на встречу с удивительной женщиной и была подписана «Рене Мария Рильке». Дальше уже не составило большого труда найти адрес автора открытки, и Лу предложила ему встретиться с нею в соседнем с отелем кафе.

Она намеренно пришла раньше назначенного времени и села у дальнего от входа столика, чтобы угадать, кто из входящих Рене Мария Рильке. Кафе было популярным, время было полуденное, и входная дверь то и дело отворялась, впуская всё новых и новых посетителей, Она выбрала двух-трёх мужчин поэтического облика, обводящих зал ищущим взглядом, но ни один из них к ней не подошёл. Она уже было подумала, что неизвестный поэт не отозвался на её приглашение, как вдруг за её спиной тихий голос произнёс:

«Добрый день, божественная фрау Лу Саломе».

Она обернулась и не поверила своим глазам — перед нею стоял юноша, вчера ещё мальчик. Не удивительно, что она не обратила на него внимания, перебирая взглядом входящих в кафе мужчин. Мальчик на лету схватил её руку и, низко склонившись, впился губами в запястье. Он не спешил завершить поцелуй, а она не спешила отнять руку — губы у него оказались удивительно нежные и тёплые. Но всё же долго так продолжаться не могло, и она наконец откинулась на спинку стула и сказала:

«Садитесь, Рене, и расскажите мне немного о себе».

Рене рухнул на соседний стул так неловко, что наступил ей на ногу, потом испуганно отодвинулся, но не слишком далеко, так что колено его уперлось ей в бедро. Она могла бы чуть повернуть стул, чтобы, не смущая юношу, оттолкнуть его колено, но ей понравилось его прикосновение, и она сделала вид, что ничего не заметила и слушает его внимательно:

«Я родился в Праге, учился там в университете... издал два тоненьких сборника стихов, приехал в Мюнхен в прошлом году»...

Пока он сбивчиво открывал ей небогатые подробности своей короткой жизни, она исподтишка рассматривала его черты, не находя в них ничего примечательного — крупные тёмные глаза в тени спутанных тёмных волос, бледные щёки, плохо вылепленный нос уточкой, глубокая ямочка на подбородке. Внезапно голос его прервался, похоже, волнение перехватило ему горло. Чтобы выручить юношу, она спросила, принёс ли он с собой цикл стихов «Видения Христа», о котором написал в своём письме. Он стал лихорадочно рыться в карманах своей студенческой курточки, вытаскивал какие-то бумажки и бросал на пол, но никаких стихов не нашёл.

«Как же так, — бормотал он, — я перед уходом положил их в левый карман... Куда же они делись?»

Вид у него был растерянный и несчастный.

МАРТИНА

Потом, когда их отношения уже сложились, они вместе искали эти стихи в его комнате, но так и не нашли. А через много лет, когда Рене уже давно был общепризнанным величайшим

поэтом современности Райнером Рильке, их искали многие литературные критики и издатели, и тоже не нашли. Странно, не правда ли?

Может этих стихов вообще никогда не было, он просто их придумал, чтобы добиться свидания с божественной фрау Лу Саломе? Мог ли он предполагать, куда это свидание его приведёт?

ЛУ

Через пару дней они встретились в парке. Парк был огромный и прекрасный, и почему-то назывался Английский Сад. Им повезло, аллеи парка были пустынные – с нависших над городом грозовых туч накрапывал некрупный дождь, который разогнал гуляющих. Предусмотрительная Лу взяла с собой большой зонтик, предполагая, что влюблённый поэт придет не только без зонтика, но даже без головного убора. Так и оказалось: когда она подошла к водопаду, у которого они назначили встречу, волосы у Рене были совершенно мокрые – он, как видно, давно её ждал.

«Скорей прячьтесь под зонтик!» – воскликнула она, но Рене не удалось нырнуть в прозрачную голубую тень зонтика, он был для этого слишком высок.

«Тогда держите зонтик вы, – сообразила Лу, – он достаточно большой для двоих».

Но зонтик оказался недостаточно большим, и Лу то и дело выскальзывала под дождь, который становился всё крупней.

«Так не пойдёт, – объявила Лу и решительно прижалась к Рене, – вам придётся за меня держаться».

Его рука, застрявшая между плечом и локтем Лу, была так наэлектризована желанием, что волна этого желания захлестнула и её. За последние годы у неё было немало любовников, в разной степени в неё влюблённых, – все они были мужики бывалые, знавшие толк в любовных утехах, но не в любви. Ими можно было играть и манипулировать. А как быть с этим, юным и неопытным, который мог бы быть её сыном? Оттолкнуть и не попробовать? В её мысли ворвался его голос:

«Так куда же мы пойдём?»

Дождь усиливался, делая предполагаемую прогулку по парку невозможной. Конечно, можно было бы попытаться найти свободный столик в соседнем кафе, битком набитом разочарованными любителями прогулок по парку, но как-то не хотелось. Тем более, что ноги у них обоих уже промокли и рукава, торчащие из-под зонтика, тоже.

«Давайте пойдём ко мне, – робко предложил Рене. – Мой пансион тут недалеко, в двух шагах от парка».

Пойти к нему? Это звучало заманчиво и опасно. Интересно, что сказала бы княгиня Марья Алексевна? А не всё ли равно? Ведь недаром Лу объявила себя поборницей свободы и равенства мужчин и женщин в любви!

«Что ж, пошли к тебе, если это и вправду недалеко».

«Ты» соскочило с её языка легко и непринуждённо, словно она обратилась к своему сыну, а «сын» онемел от неожиданности – он-то не мог так сходу сказать ей «ты». И потому ответил безлико:

«Только нужно тихо, чтобы хозяйка не заметила».

Так на «ты» и «вы» сжавшись под зонтиком, они весело потопали по лужам, – всё равно, башмаки промокли насквозь и терять было нечего.

Его пансион и вправду оказался за углом. Он открыл дверь своим ключом и они, сдерживая смех, прокрались по коридору, застеленному потёртой дорожкой бывшего цвета. Окно его комнаты выходило в сад – она заметила это вскользь, когда он задёргивал штору. Заметила и не спросила зачем. И не спросила зачем, когда он, сбросив в угол свои мокрые башмаки

и носки, опустился на колени и стал стягивать с неё промокшие башмачки. И потом не спросила, когда он стянул с неё башмачки и чулки и, не вставая с колен, принялся целовать пальцы её ног – его юность позволяла ему любую позу. От его поцелуев в голове у неё помутилось, как никогда до того, а дальше всё полетело к тартарары, и мысли, и одёжки, осталась только радость, что и ей досталась в жизни любовь.

МАРТИНА

Лу не спешила сообщить Карлу о своей неожиданной любви. Она только написала ему, что хочет еще на какое-то время задержаться в Мюнхене и попросила прислать её любимые книги и летний гардероб. Карл не стал её упрекать – он никогда её не упрекал, таков был уговор. Карл послушно отправил багажом сундук с платьями и книгами, но при этом объявил, что хочет навестить жену в Мюнхене.

Лу прикусила губу – неясно, он просто соскучился или до него дошли какие-то сплетни. Для сплетен было много оснований – как они с Рене ни старались скрыть свои отношения, их слишком часто видели вместе, а не быть вместе они уже не могли. И она решилась – написала Карлу, что ждёт его в августе, когда у него будут каникулы.

ЛУ

Могло показаться, что все хозяйки дешёвых пансионатов штампуются по одному шаблону. Хозяйка мюнхенского пансионата Рене выглядела как любительская копия хозяйки берлинского пансионата Лу – те же стянутые в узел седеющие волосы, тот же стянутый в куриную гузку рот, те же колючие маленькие глазки неопределённого цвета. Однажды её колючие глазки проводили Лу до самой комнаты Рене и встретили через несколько часов у двери его комнаты – можно было поверить, что хозяйка всё это время не покидала свой наблюдательный пост у входа в пансион.

Дождавшись, пока Лу достигнет входной двери, хозяйка процедила сквозь зубы:

«Ни стыда, ни совести! Ведь вы ему в матери годитесь!»

Погружённая в свои мысли Лу вздрогнула:

«О чём вы?»

«Думаете, я вас первый раз вижу? Но сегодня я решила проследить, сколько времени вы проведёте у этого мальчика. И убедилась!»

«В чём вы убедились?»

«В том самом! И если вы ещё раз здесь появитесь, я вызову полицию нравов! И вас арестуют за растление малолетних».

И Лу, гордая поборница свободы, отважная поборница равенства женщин и мужчин в сексуальных отношениях, испугалась – не за себя, а за Карла, за его честное имя, за его профессорскую позицию. Она поняла, что дальше так продолжать невозможно и нужно искать новое место для встреч с Рене. Она не стала брать фиакр, а пошла пешком, чтобы лучше обдумать сложившуюся ситуацию. Неожиданная мысль обожгла её – зачем ей встречаться с возлюбленным, когда можно с ним не расставаться? А значит, нужно искать не новое место для встреч, а скромную площадку для любовного гнездышка.

Задача оказалась непростой. Квартиру в городе невозможно было снять на неопределённый срок и невозможно было предположить на какой срок эта квартира им понадобится. А вдруг это безумное опьянение любви к неопытному юноше слетит с неё так же внезапно, как и налетело?

Но пока безумное опьянение владело ею, она жаждала быть рядом с ним, жаждала слышать его голос и таять в его объятиях. Странно, за эти годы она перебрала немало любовни-

ков, одни были лучше, другие – хуже, но ни к одному она не прикипела душой так, как этому мальчишке, не такому уж красивому, не такому уж талантливому. Он был ещё не готов к величию, ещё не созрел как поэт, но в его подчас невнятном бормотании можно было расслышать отзвуки ритмов будущего гения. И в любовном искусстве он поначалу был робок и не уверен в себе, но страстен и способен к обучению. Она даже не представляла себе раньше, какое это удовольствие обучать искусству любви любимое существо.

Единственное, что раздражало её в нём, было его дурацкое девичье имя – Рене. И вот однажды она набралась смелости и предложила ему сменить его нежное Рене на мужественное – Райнер.

Он, конечно, согласился, как соглашался со всем, чего она требовала. И стал Райнер Мария Рильке.

Под этим именем он вошёл в историю.

Проблему любовного гнездышка Лу решила со свойственной ей изобретательностью. Она сняла не городскую квартиру, а деревенский бревенчатый домик, одной стеной прилепившийся к горному склону. В соседнем с ними сарае жила кроткая корова, но им её близость нисколько не мешала наслаждаться своим жилищем. Они купили на блошином рынке большую деревянную кровать, поцарапанный овальный стол и двустворчатый шкаф. Хозяин подарил им пару жестких скамеек, а друзья художники завалили дощатый пол подушками и плетёнными ковриками – получилось комфортабельно и даже по-своему красиво.

Когда Лу разбирала присланный Карлом сундук, Райнер заметил несколько книг, написанных кириллицей.

«Что это?» – удивился он.

«Книги русских писателей – Льва Толстого и Антона Чехова».

«Ты читаешь по-русски?»

«А ты не знал? Я недаром закончила гимназию в Санкт-Петербурге».

Райнер пришёл в восторг: «Значит, ты можешь научить меня русскому языку? Я давно об этом мечтал».

Так в их счастливую жизнь вошёл русский язык – неделями не выходя из своего уютного гнездышка, они вперемежку занимались то любовью, то кириллицей. В изучении языка, как и в любви, Райнер оказался на редкость способным учеником. Так что к приезду Карла он уже сносно лопотал по-русски, правда, со страшным акцентом, зато связно.

Карл к тому времени уже знал всё о новой причуде своей взбалмошной жены. Ему это вовсе не понравилось, но возражать он не смел – таково было их брачное соглашение. Как ни удивительно, ему понравился Райнер – своей наивностью, талантом и стремлением выучить чужой язык. Сам Карл Андреас кроме десятка ближневосточных языков отлично владел английским, французским и тремя скандинавскими. Правда, русского он не знал.

МАРТИНА

Я во всех деталях изучила жизнь и похождения Лу, но так и не смогла понять мотивов поведения высокообразованного профессора Кала Андреаса. Неужели он и вправду поверил коварной выдумке Лу, что истинная любовь на всю жизнь возможна только, если она не искажена причудами эротики, как у других людей? Такой умный, такой начитанный, и поверил? Или он просто был мазохист и любил страдать? Страдания от жены он получал без меры до конца жизни. Причём его биография наглядно показывает, что он не был импотентом: много лет он сожительствовал со своей экономкой, которая родила ему дочь Мари.

Нигде не сказано, куда в конце концов девалась экономка, но девочка Мари осталась в доме Карла и Лу. Лу не только воспитала её, но и приворожила – Мари обожала её, и в конце

её жизни верно и преданно за неё ухаживала. Лу завещала Мари всё своё состояние, оставленное ей Карлом.

Странные люди, странные, непостижимые отношения. Или это я такая наивная простушка, что ничего не понимаю? Но это не исказит мой рассказ – он отражает только факты.

ЛУ

Прекрасно! Райнер настолько понравился Карлу, что тот пригласил его переехать в свой дом в Шмаргендорфе. Лу просто онемела, когда услышала, как Карл, даже не сговорившись с ней, начал расписывать Райнеру красоты этого берлинского пригорода.

«Лу всю зиму ходит там босиком по лесным тропинкам», – похвастался он, будто зимние прогулки Лу были его личным достижением.

«С чего бы это он?» – удивилась Лу и догадалась: Карл боится, что ему иначе не удастся заманить неверную супругу домой.

Они втроём покинули бревенчатую хижину и кроткую корову, которая даже не выглянула в окошко, чтобы с ними попрощаться. И дружной троицей въехали в уютный профессорский дом в уютном пригороде Берлина. Там Лу и Райнер после пробежек босиком по зимним лесным тропинкам продолжили усердные занятия любовью и русским языком.

Правда, их счастливые идиллические периоды то и дело нарушались депрессивными лихорадками Райнера. В минуты сжигающего его трагического отчаяния все достоинства возлюбленной превращались в её недостатки. Он начинал ненавидеть её щедрость, её великодушие, её нежность. Она подавляла его своим великолепием.

Он писал: «Я подобен анемону, который раскрылся так широко, что вечером не смог закрыться и вынужден был принять в себя весь ужас ночи».

«Я ненавижу тебя за то, что ты такая большая и щедрая», – говорил он ей. Он проклинал её, а она всё ему прощала. Они сладко мирились и начинали с ещё большей страстью атаковать неприступную твердыню русского языка.

В конце зимы Карл смирился с их непостижимой любовью и, замороженный происходящим в его доме освоением русской культуры, предложил им втроём отправиться в Россию. 25 апреля 1899 года Карл, Райнер и Лу отбыли пассажирским поездом Берлин-Москва и 27-го прибыли в Москву как раз к празднику православной пасхи.

Москва встретила их всем, о чём они мечтали – перезвоном сотен колоколов, пасхальными процессиями, пышными куличами и крашеными яйцами. На их очарованный глаз она выглядела провинциальным пряничным городом, сохраняющим при этом следы прошлого столичного великолепия. Но, предвкушая пасхальные радости, заботливая Лу подготовилась и к светской части их поездки – она запаслась рекомендательными письмами к видным представителям московской культурной элиты.

Самым результативным был визит к художнику Леониду Пастернаку, работавшему в то время над иллюстрациями к роману Льва Толстого «Воскресение». Услышав, что его немецкие гости страстные почитатели Толстого, Пастернак попросил писателя уделить им несколько минут своего драгоценного времени. Толстой пригласил всю троицу к чаю в Страстную Пятницу.

Это был странный визит. Впереди гордо выступала Лу, уверенная в обаянии своей женственности и писательского успеха. За её спиной топтался робкий, ни в чём не уверенный Рильке. И замыкающим вошёл в гостиную великого человека скромный высокообразованный профессор Карл Андреас. Великий человек небрежно бросил на стол презентованную ему последнюю книгу Лу, кратко объяснил Рильке, почему поэзия никому не нужна, и обратил взгляд на профессора Андреаса. Взгляд его из равнодушного быстро превратился в заинтересованный:

«Вы – профессор ближневосточных культур?» – спросил он по-французски. Андреас ответил утвердительно, и между ними вспыхнул увлекательный для обоих и непонятный для остальных стремительный диалог. Лу, потрясённая таким очевидным невниманием к её присутствию, несколько раз пыталась втиснуться в этот диалог по-русски, но великий старец то ли не слышал её реплик, то ли делал вид, что не слышит. Когда назначенное время их визита почти истекло, ей всё же удалось воскликнуть на прощанье:

«Мы все в таком восторге от пасхальной Москвы, от её щедрости, от её колоколов, от её шествий и куличей!»

Тут Толстой наконец её заметил:

«То-то я всё время твержу, что пора покончить с этими языческими обрядами, – отозвался он. – В них нет ничего от христианства!»

«Зачем отменять? – ужаснулась Лу. – Это же так красиво!»

«Мне сейчас недосуг с вами спорить. Хотите поговорить об этом, приезжайте как-нибудь летом к обеду в Ясную Поляну».

МАРТИНА

Через год они и вправду поехали в Ясную Поляну в надежде вступить в диалог с «великим русским», как они его называли. Конечно, для второй поездки в Россию было много разных других поводов кроме увлечения Львом Толстым. Тогда, в 1899 году, Лу после Москвы повезла Райнера в родной ей Санкт-Петербург, где они провели две недели, кружась в искромётном хороводе создателей российского «Серебряного века». Там всё завихрялось «в ритме вальса» – создавалась новая живопись, новая поэзия, новый театр. Чуткий Рильке с головой окунулся в этот водоворот, нескладно лопоча по-русски и лишь на треть понимая услышанное. Но этого ему было достаточно, чтобы влюбиться в Россию.

Эта влюблённость всколыхнула творческий дух экзальтированного юноши. За год, прошедший между двумя поездками в Россию, он написал невероятное количество произведений. – первый том «Книги часов», финал книги «Бог-отец», множество лирических стихов, а главное, поэму «Любовь и смерть корнета Кристофера Рильке», о которой речь впереди.

Хоть Лу была не так очарована своей покинутой родиной, как её юный любовник, ей льстило повышенное внимание русских артистов и художников. Ей даже постепенно начало казаться, будто сам великий старец Толстой, как и всякий представитель сильного пола, подпал под власть её чар. Она словно забыла, что весь час чаепития он посвятил беседе с Карлом о персидской секте Бахаев, а не ей с её богоискательством. И она всё с большим количеством подробностей хвасталась своим приятелям и поклонникам, что Лев Толстой пригласил их с Райнером пообедать у него в Ясной Поляне.

ЛУ

«Лу, – плохо скрывая раздражение позвал Карл, – пора кончать урок. Обед уже на столе».

«Да, да, – отозвалась Лу по-русски, – мы уже идём».

«Ты что, совсем разучилась говорить на родном языке?» – спросил Карл, когда они втроём, как обычно, привычно уселись за привычно накрытый стол.

«Представляешь, я недавно обнаружила, что у меня их два».

«Но жить ты всё же собираешься в Европе?»

«Как сказать. Мы с Райнером планируем новую поездку в Россию».

Карл прямо задохнулся от возмущения:

«Зачем? Вы ведь всё там уже видели!»

«Отнюдь не всё! Мы даже не понюхали прелести крестьянской жизни. А ведь Россия – крестьянская страна».

«Что же вы хотите узнать?»

«Мы хотим, – вмешался Райнер, – заглянуть в душу угнетённого пролетария и в душу кроткого пахаря, ещё не деформированную городской жизнью»

«Сказано возвышенно, – фыркнул Карл. – Но как именно вы намереваетесь это сделать?»

«Мы уже наполовину это сделали. Мы сговорились с нашими московскими друзьями, и они составили нам программу встреч. Они поведут нас на курсы продвинутых рабочих и на выставки самых дерзких художников. Ты сам говорил, что сегодня Россия – центр революционного искусства».

«У нас уже есть билеты на все пьесы Чехова в художественном театре!» – похвастался Райнер.

«И ты надеешься понять быструю русскую речь?»

«Во всяком случае пьесу „Чайка“ я пойму наверняка – я уже перевёл её на немецкий».

«Хорошо. Предположим, вы подглядите в щёлочку жизнь московского художественного мира, а как быть с подлинным крестьянином?»

«И на это у нас есть ответ – наши друзья сняли нам хижину, которая называется изба, в отдаленной северной деревне. И мы проживем истинной крестьянской жизнью – будем пахать, сеять, косить и жать. И таскать воду из колодца!»

«А для этого, как ты понимаешь, Райнер должен выучить русский язык как можно лучше. Вот мы и занимаемся русским языком дни и ночи напролёт. Теперь ты понимаешь, почему мы перестали тратить время даже на лесные прогулки?».

«Кажется, я понимаю».

«И одобряешь?»

«Одобряю, но не настолько, чтобы финансировать ваш русский каприз».

Лу прикусила губу – этого она не ожидала. Карл всегда был щедр и безропотно оплачивал её поездки в европейские столицы. Однако она гордо ответила:

«Не хочешь, как хочешь! Мы справимся без твоей помощи!»

И они справились – Лу взяла в долг небольшую сумму, которой в сочетании с её карманными деньгами хватило на билеты до Москвы. А в гостеприимной Москве она умело организовала их быт, так что живя по очереди у разных приятелей, они не должны были тратиться на гостиницу, и будучи часто приглашены на обеды и вернисажи, могли почти ежедневно обходиться только скромным завтраком.

Артистическая жизнь в Москве бурлила, кипела и пенилась, на глазах создавалось новое искусство, менялись нормы живописи и театра. Восторженно вдыхая московский воздух, немецкие гости не сознавали, что он насыщен грозowymi разрядами надвигающейся революции, а московские хозяева не спешили открывать им глаза, чтобы не омрачить их праздничное настроение. И потому второй московский период остался в их памяти как непрерывный фестиваль духовной жизни. Не вникая в глубокий кризис российской реальности, они выросли в своих душах совершенно другой облик этой чужой страны – образ пряничного рая для всех её жителей.

По-детски держась за руки они бродили по арбатским переулкам, посещали церковные службы и пили чай в народных кабачках. И вдоволь нагулявшись, счастливые и вдохновлённые, они наконец отправились на Курский вокзал, намереваясь сесть в поезд, который отвезёт их в Ясную Поляну на обед к Льву Толстому. На перроне они неожиданно столкнулись со знакомой по прошлому московскому визиту фигурой – с художником Леонидом Пастернаком, который вёз в Крым девятилетнего сына Борю. Впоследствии поэт Борис Пастернак описал эту встречу в своей «Охранной грамоте» – хрупкий молодой мужчина поразил его своим наивным

взглядом и благородной осанкой, а сопровождавшую его высокую женщину Боря принял за его мать или старшую сестру.

МАРТИНА

Правда, здесь нужно сделать сноску на то, что автор «Охранной грамоты» уже знал, что случайно встреченный им много лет назад на вокзале молодой мужчина признан гением всех времён и народов, а мальчик Боря ещё этого не знал. И неизвестно, точно ли соответствует то, что подумал тогда мальчик Боря, тому, что написал юный Борис Пастернак. Он не то, чтобы слукавил, а просто постепенно выстроил в душе лубочный образ Райнера Марии Рильке, о котором вряд ли бы вспомнил, если бы тот не оказался впоследствии гением всех времён и народов. Нет, нет, я ничего такого не хотела сказать, это прорвалось моё второе Я, о котором я честно рассказала во вступлении в эту книгу.

ЛУ

Лу и Райнер расстались с Леонидом и Борей ещё на перроне, так как российские художники ехали в самом дорогом классе, а немецкие гости из экономии в самом дешевом. Они вышли из поезда на маленькой станции под Тулой и прощально помахали Пастернакам, смотрящим на них из вагонного окна. Найти дорогу к Ясной Поляне было не трудно, – её знал каждый встречный. Любовники весело шагали мимо сосновых рощ, берёзовых перелесков и бедных крестьянских домишек, наслаждаясь мыслью, что идут по истинно русской земле к истинно великому Русскому.

Они пришли немного раньше назначенного времени, так что смогли полюбоваться роскошным барским домом, позабывши на время о требованиях социальной справедливости. Их только немного смутил истошный женский крик, доносящийся из открытого окна второго этажа. Какая-то женщина произносила бесконечный гневный монолог, иногда прерываемый рыданиями, а иногда умоляющим старческим голосом. В назначенное время Райнер дёрнул верёвку колокольчика. После долгого ожидания заветная дверь неохотно приоткрылась, позволив Лу протиснуться в прихожую, и тут же закрылась. Испуганный Райнер растерянно топтался снаружи, не зная, что ему делать. Но к счастью, дверь снова отворилась и впустила в прихожую и его.

За дверью гостей ожидал старший сын Толстого, который провёл их в большую комнату, увешанную картинами, и попросил немного подождать. Они натянуто заговорили о достоинствах висящих на стенах комнаты картин, делая вид, что не слышат воплей и рыданий, прорывающихся даже сквозь толстые стены и основательный потолок. Сын Толстого тоже вёл себя так, словно ничего необычного не происходило. Так прошло много времени – по одним оценкам полчаса, а по другим – не менее двух. И наконец, к потрясённым гостям вышел сам Толстой, как-то сразу постаревший и согбенный.

Он спросил, что его дорогие гости предпочитают – обед с другими или прогулку с ним. Гости, хоть и были отчаянно голодны – в ожидании графского обеда они сэкономили на завтраке, – естественно, предпочли прогулку с ним.

«Тогда я покажу вам свои луга».

И он повёл их по хорошо утоптанной боковой дорожке, обсаженной разноцветными цветущими кустами. Они пытались завести с ним заранее заготовленный разговор о вере в Бога и неверии, но вскоре заметили, что он не может сосредоточиться на высоких материях. Он раздраженно обрывал с веток головки цветов и бросал их обратно в кусты, а потом вдруг перебил Райнера, пытающегося развить какую-то мысль по-русски, и спросил:

«А чем ты занимаешься в жизни?»

Райнер на секунду опешил, но пришёл в себя и смущённо пробормотал:
«Я написал несколько вещичек и издал пару книжек стихов».

Толстой резко обернулся к нему и рявкнул:

«Разве я не предупреждал тебя, что поэзия никому не нужна?»

И повернул обратно к дому:

«Простите, но я должен вернуться и уладить свои семейные проблемы».

Он пошёл по дорожке настолько быстро, насколько ему позволяла согбенная спина, а огорчённые гости поплелись следом, голодные и безутешные. Они уже давно поняли, что великому человеку сейчас не до них.

Но они не могли долго переживать обиду и разочарование, – им нужно было спешить. Их дешёвые билеты были суточные и включали в себя возможность ещё одной поездки. А в их планы входил ещё один душевный визит – к крестьянскому поэту Дрожкину, живущему в родной деревне к северу от Москвы. Райнер перевёл на немецкий сборник стихов Дрожкина, скорее всего потому, что тот был классически ясный поэт, вроде Кольцова и Майкова, и его русский язык позволял Райнеру проникнуть в неглубокую суть его стихов.

Дрожкин встретил их как родных. Да он и чувствовал их родными – иначе с чего бы это Райнер выбрал именно его стихи для перевода? Он поселил гостей в новенькой, ещё не закопченной чистой избе, и вечером при свете коптилки читал им свои последние стихи. Они были растроганы, и выбросив из памяти неудачный визит к Толстому, заснули умиротворённые, чтобы ни свет ни заря отправиться бродить босиком по росистым российским лугам. В деревне их восхищало всё – мычание коров, душистое сено на скошенных лугах, гостеприимные улыбки кротких крестьян, простота их быта. Но когда за ними заехал местный помещик Николай Толстой, родственник писателя, и пригласил их пожить в его комфортабельном барском доме, они с радостью согласились.

Однако это был еще не конец их попыткам познать крестьянскую душу России – на окраине деревеньки под Ярославлем для них была снята свежестроенная бревенчатая изба, в которой они поселились, чтобы жить полной жизнью простого крестьянина. Любезные хозяйки оставили на столе буханку ржаного хлеба, лукошко картошки и полную солонку. Любовники спали на набитых соломой матрасах и варили картошку на дровяной плите, которую нелегко было разжечь. Однако на второй день они почувствовали, что картошки с хлебом им не достаточно, и купили кувшин молока у соседки. Назавтра оставленное на окне молоко скисло, картошка закончилась, а от буханки хлеба осталась только сухая горбушка.

Тогда они отправились на местный базар, купили хлеб, картошку и пять предложенных им курочек-несушек в надежде на яйца. По приходе домой оказалось, что яйца снесли только две курочки из пяти, а три остальные возможно были петушками. Лу решила из одного петушка сварить бульон, но ни она, ни Райнер не были готовы этого бесплодного петушка резать и ощипать. Так что пришлось вернуться в деревню и уговорить кого-то это сделать. Пока сухонький рыжебородый мужичок выполнял их просьбу, они убежали из его двора и отошли подальше, чтобы не видеть экзекуции и не слышать предсмертных воплей. Правда, это не помешало им наслаждаться вкусом свежего куриного бульона.

Среди ночи Лу проснулась от того, что пальцы Райнера лихорадочно впились в ее плечо, он весь трясся – его охватила нервная дрожь, такая сильная, что у него зуб на зуб не попадал.

«Ты видишь, Лу, вон он – окровавленный петушок с перерезанным горлом! Бежит по дорожке к нашей избе!»

«Ты бредишь, Райнер. Разве ты можешь увидеть петушка в этой кромешной тьме?»

Райнера вырвало – куриный бульон вырвался наружу из его желудка в отместку за совершенное убийство. Лу с трудом удалось успокоить его и укачать, как ребёнка. Но наутро от его смертельного страха не осталось и следа, и он сам смеялся над своей впечатлительностью.

«Это был не я, а тот, Другой, который прячется у меня где-то внутри», – повторял он.

Можно было бы считать, что их деревенская жизнь постепенно налаживается, если бы не уборная, то есть её отсутствие. Во дворе за домом была вырыта неглубокая выгребная яма, которая ужасно воняла. Не было никакого сиденья, только поперёк ямы лежали три довольно тонких жёрдочки непонятного назначения, – сидеть на них было нельзя, стоять опасно. И потому Лу охотно откликнулась на робкое предложение Райнера прервать этот слишком мучительный эксперимент и вернуться в Петербург.

Оказалось, что она мечтала прервать не только мучительный эксперимент попытки жить крестьянской жизнью, но и не менее мучительный эксперимент по замене матери и старшей сестры своему юному любовнику.

По дороге в Петербург она объявила потрясённому Райнеру, что намерена оставить его на несколько недель в Москве на попечении их московской приятельницы Софьи, пока она сама поедет в Финляндию к брату, чтобы подлечить пошатнувшееся здоровье. Бедный Райнер не мог поверить тому, что услышал – ведь за четыре года их горячей любви они по сути никогда не расставались. А теперь она хочет покинуть его одинокого в чужой стране – не может быть!

Правда, однажды они расстались по его инициативе – он хотел доказать себе и ей свою независимость и способность обойтись без её забот. И поехал путешествовать по Италии один, без неё. Там он вёл «Флорентийский дневник», в котором все его попытки поучаствовать в празднике омрачены отсутствием Лу. Можно сказать, что эта единственная разлука не удалась.

«Но почему в Москве? Я лучше вернусь в Германию».

«Скажи, куда ты поедешь без меня? – жёстко спросила она. Он не узнал её голос, они никогда с ним так не говорила, она всегда была сама ласка и нежность. – Не к Карлу же в Шмаргендорф?»

К Карлу он и впрямь не мог поехать без неё. Но почему без неё? Они ведь могут поехать вместе.

«Нет, вместе мы поехать не можем! – ещё более жёстко сказала она. – Я поеду в Финляндию к брату, я очень устала и надорвалась. Мне нужно отдохнуть и привести себя в порядок».

«Отдохнуть – от чего?» – спросил он, заранее пугаясь её ответа.

И она его не пощадила:

«В частности, от тебя!»

МАРТИНА

Хочется спросить – что с ней случилось? За что она его так?

Есть несколько вариантов, ни один из них ничем не подтверждён.

Самый простой – он ей просто надоел. Опьянение прошло, и она его увидела таким, каким он был в реальности – слабым, нервным, беззащитным. Как он убежал со двора мужика, согласившегося зарезать их петушка! Как отвратительно дрожал и цеплялся за неё! Разве настоящие мужчины так поступают? А тут ещё неудачный визит к Толстому – ведь по сути всё произошло так нескладно из-за Райнера. Толстой ему прямо сказал, что поэты никому не нужны. Хоть она и ценила поэзию Райнера, но лучше бы к великому старцу она пошла одна, к ней он наверняка отнесся бы иначе.

А главное – Райнер слишком часто впадает в отчаяние, плачет, стонет, жалуется. Она так устала от его нытья! Она счастлива, что вернулась в Россию, – тут она нашла потерянную частицу себя, которой ей так не хватало. А хнычущий Райнер к этому счастью вовсе не причастен и висит у неё на шее тяжким ярмом. Вот она его с себя и сбросила без всяких церемоний – это вполне соответствовало её широко декларированной свободе от предрассудков. Она написала в дневнике: «Мне сейчас хочется только одного – больше покоя и одиночества, как было четыре года назад».

А может быть, всё не так, может быть, она и впрямь была больна? Ведь здоровье у неё с детства было хлипкое, и все эти смелые эксперименты её подкосили. Но она не хотела признаваться в своей болезни наивному мальчику, чтобы не навести его на мысль, что она для него стара. Она вернулась в туманную Германию, а там всё дальнейшее покрыто туманом. На её пути вдруг оказался врач, доктор Фридрих Пинельс, который вскоре стал её любовником и оставался им долгие годы.

Когда стремление пожить спокойно и мирно, как до встречи с Рильке, привело Лу обратно в её дом в Шмаргендорфе, её ждал сюрприз: за время её отсутствия Карл вступил в связь со своей экономкой, и она родила от него дочь. Потрясённая Лу была поставлена перед выбором – возмутиться или примириться. Её поведение в который раз доказало, что она воистину умна и рассудительна – она приняла маленькую девочку как родную и сделала её родной.

Тем временем брошенный ею бездомный Рильке в конце концов пристроился в артистической колонии Ворпсведе под Бременом – стипендию получил, что ли? – и там стремительно женился на девице скульпторе Кларе Вестхофф. Сделал он это из любви или из мести, неизвестно, но развелся он так же стремительно, как женился. У него тоже родилась дочь, и в поисках какого-нибудь заработка, он попробовал вернуться в Россию.

Сохранилось его письмо редактору газеты «Новое время» Алексею Суворину:

«Моя жена не знает России; но я много рассказывал ей о Вашей стране, и она готова оставить свою родину, которая ей тоже стала чужда, и переселиться вместе со мной в Вашу страну – на мою духовную родину. О если б нам удалось наладить там жизнь! Я думаю, что это возможно, возможно потому, что я люблю Вашу страну, люблю ее людей, ее страдания и ее величие, а любовь – это сила и союзница Божья».

Суворин не ответил на письмо неизвестного ему немецкого литератора.

Не найдя реального заработка, Рильке покинул жену и дочь и опять стал взывать к жестоко покинувшей его возлюбленной. Но она не смягчилась – она готова была переписываться с ним, но не готова встречаться. Их многолетняя переписка составила солидный том. Таким образом их великая любовь из эротической превратилась в истинно духовную.

Мадина Тлостанова

Дама без собачки

«Ощущение поражения и утраты, постепенно проникавшее в город на протяжении последних полутора веков, оставило отпечаток бедности и обветшания на всем – от черно-белых пейзажей до одежд обитателей».

Орхан Памук

1

Бледный денек обещал сразу и солнце, и робкий дождик. Примостившись на неудобной скамье в считанных шагах от моря, я с наслаждением вдыхала соленые брызги. Остальные лавки были заняты отдыхающими, и пришлось довольствоваться этой. Ее кособокая спинка заставляла сидеть, неестественно выпрямившись, и у меня тут же занял больной пятый позвонок. В руках небрежно раскрылся маленький томик рассказов Буццати, но сосредоточиться на чтении как-то не получалось. Отвлекали крики чаек, шум волн, смех детей, лай собак и назойливая пляжная музыка из многочисленных уличных кафе.

Кособокая скамья была последней в облагороженной части пляжа. Но уже в десяти шагах виднелись дюны, и кривая сосна цеплялась из последних сил за зыбучий песок. Дальше всё было заброшенным и диким. Пара руин старых советских профилакториев, свежесгоревший ресторан «Прибой», редкие местные старушки с корзинками грибов и ягод и молодые мамы с детьми. Коричневое море в отливе уходило далеко назад, неряшливо оставляя по пути водоросли и моллюсков. Лоснящиеся вороны тяжело прыгали в вязком песке и ловко вскрывали клювами ракушки. И было что-то тоскливое в этом сочетании еще не совсем белой ночи и останков морской жизни. Как будто заезженная пластинка все время соскальзывала в одну и ту же тему – то в мажоре, то в миноре, то *allegro*, то *andante*, то отчаяние, то надежда.

В моем мобильном телефоне есть контакт – «Дом». Но теперь ведь никого дома нет и быть не может, если там нет меня. Звонить себе самой я не могу. Да и не дом это давно. Пора сменить это несоответствующее название на что-то другое, например, «мой старый номер» или вовсе назвать себя какой-нибудь кличкой или своим же литературным псевдонимом. И все же вопреки обычной логике, сырой апрельской ночью телефон зазвонил, и на экране высветилось «Дом». Я оцепенела, но когда с опозданием палец все же скользнул по зеленой трубке, на том конце послышался лишь невнятный шорох и потрескивающее молчание. И я ощутила пустоту и тишину медленно покрывающегося пылью, брошенного уже не дома.

Погрузившись в привычный нескончаемый мысленный поток, я и не заметила, как на краешек скамейки с другой стороны присел светловолосый человек неопределенного возраста – не то сорок пять, не то шестьдесят. Сгорбился, отвернулся от солнца, собрался бесформенным свертком, а потом достал из кармана чуть смятую пачку «Коиба» и закурил. Курил он нервно, слишком часто затягивался, как будто кто-то вот-вот отнимет сигариллу. Держал он ее почему-то в горсти, словно прятал от окружающих. Еще мне показалось, что невольный сосед старательно избегал показывать мне лицо, как будто я его могла узнать. Но откуда здесь взяться знакомым?

Тут к облупленной лавке подбежала собака, вернее, наполовину подъехала. Когда-то бедную таксу видимо переехала машина, и задние ноги ее парализовало. А сердобольный умец-хозяин изготовил тележку-протез, чтобы она могла снова бегать. Черный пес весело тащил за собой двухколесное косолапое чудо, быстро перебирая короткими передними лапками. Он,

верно, учуял домашний сулугуни в моей икатовой сумке, купленный ранним утром на рынке у веселой грузинки. И теперь бедолага заглядывал в глаза, непрестанно виляя хвостом. Да-да, несмотря на парализованные лапки, хвост непостижимым образом продолжал отчаянно вилять.

– Ты прямо какой-то собачий киборг! – сказала я и угостила его сыром. А мужчина прикурил вторую сигариллу от первой и чуть повернулся в нашу сторону, на тридцать градусов, не больше, но все же достаточно, чтобы наши взгляды встретились. Впрочем, он тут же отвел глаза и втянул голову в плечи. Но я все же успела заметить неестественно широко распахнутый серо-голубой взгляд, как будто он старательно таращился, чтобы все могли оценить, какие большие и красивые у него глаза и пушистые ресницы. Впрочем, впечатление сглаживалось искренностью взгляда – эдакий великовозрастно-мальчуковый gaze с искорками удивленного восторга, гаснущими от робости.

Ну конечно, это был Герострат. Я его сразу узнала. Он попытался неловко погладить таксу-инвалида. Но та ловко увернулась и, проехав колесом по его скосолапленному черному конверсу, удивительно быстро для своего состояния направилась к небольшой банде чаек, замышлявших какое-то явно нехорошее дело у самой кромки моря. Герострат нервно достал следующую сигариллу.

– Los que fuman Cohiba no van morir de cáncer, pero aquellos que no fuman van a morir de envidia.

– Простите?

Мое чуткое ухо сразу же узнало глубокую теплую хрипотцу.

– Это кубинская пословица о ваших сигарах.

Он, наконец, отважился посмотреть мне прямо в глаза, но получилось как-то виновато и растерянно.

– Я говорю, вы слишком много курите, Дмитрий Дмитрич!

– Простите, – повторил он повторил еще менее уверенно и поспешно погасил недокуренную «коиба». – Мы знакомы?

– Нет, но мне понравился ваш Жозеф Гарсэн в «Нет выхода» и еще Герострат. Я была на премьере прошлой осенью. И как-то запомнилось, что зовут вас как чеховского Гурова. Впрочем, ваша фамилия совсем не подходит к имени.

– Правда? Я никогда не думал об этом.

– Вы здесь на гастролях или на отдыхе?

– Приехал организовывать гастроли, но заодно вот выдалась пара дней. А вы?

– Заканчиваю новую книгу. Пишу, знаете ли.

– А... как вас зовут? Согласитесь, мы в неравном положении. Вы знаете обо мне чуть больше.

– Давайте я буду НеаннаСергевна.

– Как вы сказали?

– Ну, у Чехова, помните, ее звали Анна Сергеевна. Даму с собачкой. А я – НеаннаСергевна.

Он улыбнулся и тихо сказал:

– Принимаю предложенные обстоятельства. Давайте попробуем. Итак, НеаннаСергевна, вы давно изволили приехать в этот город?

– Дня три.

– А я вот только с самолета...

Он выдержал паузу. Потом продолжил деланным тоном светской беззаботности: «Но вы бывали здесь прежде, не так ли? Я заметил, что вы пришли на набережную каким-то боковым переулком, который надобно знать, чтобы не потеряться в чужом городе». На слове «надобно»

Герострат слегка запнулся. Значит, это сознательная стилизация, ого! А я-то думала, он просто возбуждает слова.

– Вы, стало быть, за мной следили? А я думала, что вы случайно сели на мою скамью, потому что все другие были заняты.

– Не меняйте тему, Неаннасергевна!

– Да, я бывала здесь неоднократно.

Голос мой звучал искусственно, как будто я произносила театральную реплику: «Я люблю сюда приезжать ранней осенью или поздней весной».

– А я, признаться, никогда здесь не был. И ничего не знаю об этом месте, хотя чувствую в нем какие-то странные токи. Не могу этого объяснить.

– Да-да, я именно поэтому сюда все время возвращаюсь. Здесь история потихоньку сочится наружу как лава из кратера полу-потухшего вулкана.

– Как образно! Но мы совершенно отделились от Чехова, вам не кажется?

Улыбки получились вымученными, и мы беспомощно замолчали.

– Тогда, может быть, вы мне просто покажете этот город, Неаннасергевна?

Он слегка повернулся ко мне и робко улыбнулся, но улыбка быстро погасла, натолкнувшись на мой тяжелый взгляд. Я быстро спохватилась и улыбнулась в ответ, но левый уголок рта, я знаю, предательски уехал вниз. И улыбка получилась иронической. Что поделать!

– Дмитрий Дмитрич, для главного героя-любownika вашего театра вы слишком нерешительны. Или это тонкая игра?

– Я и герой-любownik? Ну что вы? Я давно оставил роли любовников. Играю отцов и дедушек.

Льдистые глаза затуманились вместе с помрачевшими волнами. Потом показался проблеск быстрой улыбки. Самодовольной или все же робкой?

Герострат решил сменить тему.

– Неаннасергевна, вы меня засмутили совсем! Ну, так как, покажете мне город?

– Договорились!

В ста метрах от моря, на тихой, медленно разрушающейся главной улочке было одновременно сыро и душно. Впрочем, в районе второго этажа гулял свежий ветерок и грозил в любую минуту перерасти в леденящий шквал. Уж такая здесь погода. Миновав почту, оправославленную кирху, полуразрушенный невнятно-югенстильный универмаг с огромными зияющими проемами бывших панорамных окон и кое-где еще не конца ободранной бронзовой вязью, мы добрались до моего любимого дома. В угловом подъезде теперь был военкомат, а по центру красовался странный магазин с двусмысленной вывеской: «Ломбард Кокетка». То ли в нем было два отдела и хозяева просто сэкономили на точке между названиями, то ли местные кокетки имели обыкновение закладывать свои сокровища в ломбарде. На южной стороне дома сохранились балконы, теперь испещренные зловещими трещинами, сквозь которые прорастала трава. Но чугунные фигурные цепи все так же раскачивались на морском ветру, как и сто лет назад. Над входом примостилась маска с пустыми глазницами и открытым ртом. Не Талия, не Мельпомена, скорее предчувствие Мункова «Крика».

– Этот дом был построен по проекту Ольбриха. О нем забыли, он не включен ни в какие путеводители. Но здесь есть местный краевед, Иван Васильевич Фихте. Он обнаружил старые чертежи и письма и доказал, что это Ольбрих.

Как странно звучит мой привычно лекторский голос в таком месте.

– А кто это, Ольбрих?

– Как, вы не знаете Ольбриха?

– Нет, я не по этой части, знаете ли. И потом, от дома мало что осталось. А кто его разрушил?

– Время. Запустение. Равнодушие. Как вам такой ответ?

– Ничего, подойдет.

– А вы думали, у этого дома был свой Герострат?

Дмитрий Дмитрич закурил очередную коиба и поежился.

– Давайте зайдем внутрь. Стало как-то прохладно, вы не находите?

За порогом мы наткнулись на зияющий отсутствующими ступенями лестничный пролет, и Герострат подал мне руку и помог взобраться на второй этаж. Впрочем, руку я почти сразу же выдернула из его мягких пальцев. Терпеть не могу человеческие прикосновения. На втором этаже было пустынно и пыльно. Только на стенах кое-где остались неясные рисунки и пара витражей в окнах. В таких брошенных домах время течет ускоренно, потому ли что это время разрушения и забвения или по какой-то другой причине – неизвестно.

– И почему всё, чего касалась наша замечательная империя, немедленно приходило в упадок! Вы посмотрите, какой дом и во что его превратили! – не выдержала я.

– Я не люблю политики и в ней не разбираюсь, знаете ли. Я все больше в театре. А там не до политики. И потом, что вы имеете против империи? Она ведь была великой, что ни говори! И все нас боялись и уважали.

Мне стало скучно и показалось, что я зря провела с ним несколько часов. Как странно, а ведь поначалу мне почудилось... Нет-нет, именно почудилось. И я снова погрузилась в свои мысли, совершенно не слушая, о чем разглагольствовал Герострат.

Много лет прошло с тех пор, как я перестала приезжать в этот городок. Когда-то он мне очень нравился. Впрочем, я перестала приезжать и во все более провинциальную Москву. Но однажды меня неожиданно пригласили на конференцию в один из новомодных, насквозь американизированных университетов. И отчего-то я согласилась. Прочитав свой пленарный доклад и прослушав две невообразимо скучные секции, я сбежала в нарядный октябрьский город, неожиданно одаренный несколькими днями тепла и прозрачного печального света. Взгляд мой скользил по верхушкам щеголеватых кленов и скромных лип, и вдруг наткнулся на афишу старого театра, что был неподалеку. Это был театр моей юности, того относительно счастливого времени, когда казалось, что всё еще может быть хорошо. И мне вдруг захотелось пойти на любой спектакль, что я и проделала в тот единственный свободный московский вечер. Оказалось, что я попала на премьеру, но лучшие дни бывшей студии видимо остались там, в восьмидесятых. И поэтому мне удалось легко купить билет в первый ряд. Правда, я успела забыть, что он в этом театре находился буквально в шаге от сцены. Кресло было обшарпанным и пыльным. И у меня немедленно заболела спина. Когда выключился свет, я уже пожалела, что пришла. Но тут на сцену вышел он, остановился точно посередине и, глядя мне прямо в глаза, с какой-то дьявольской улыбкой сказал: «На людей надо смотреть с высоты. Я выключаю свет и становлюсь у окна; они даже не подозревают, что их можно разглядывать сверху...» И я мгновенно позабыла о неудобном кресле и буфетных запахах. И в течение следующих трех часов была абсолютно счастлива.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.